

Т.Ф. Теперик

**Поэтика невербального поведения  
как предмет филологического исследования  
(на материале античных авторов)**

*Аннотация:* В статье рассматривается теоретический аспект проблемы изображения невербального поведения в зависимости от жанра и предлагается конкретный анализ художественных средств изображения жестов в поэмах Гомера и Вергилия. На материале наиболее распространенного, описанного с помощью традиционных эпических формул жеста со значением «взять за руку» делается вывод о том, что, несмотря на стереотипность описания и фиксированность метрической позиции, функция данного жеста разнообразна. Кроме ритуально-этикетной этот жест может иметь и психологическую семантику, более ярко выраженную в поэме Вергилия, в ряде пунктов опирающегося на гомеровскую поэтику.

*Ключевые слова:* жест, эпос, персонаж, жанр, античность, поведение, семантика

*Abstract:* The article deals with the theoretical aspect of the question of how the non-verbal behaviour is represented depending on the genre and offers a precise analysis of the artistic devices used for the description of gestures in poems by Homer and Virgil. Exemplified by the most frequent, described with the help of traditional epic forms gesture with the meaning of 'to take somebody by the hand' the conclusion is made that although the description is stereotyped and the metric position is fixed, the gesture has various functions. Apart from the ritually-etiquette semantics this gesture may possess psychological semantics which is more evidently presented in the poem by Virgil, who, in several ways, relies on Homer's poetics.

*Key words:* gesture, epos, character, genre, antiquity, behaviour, semantics

Начатая работами психологов Лабунской и Меграбяна<sup>1</sup>, продолженная исследованиями Крейдлина о невербальной семиотике<sup>2</sup> и Горелова о невербальных компонентах коммуникации<sup>3</sup>, тема изображения невербального поведения в литературных текстах уже заняла свое прочное место в ряде статей, книгах, диссертаций. Если в 1990-х гг. изучалась прежде всего невербалика в системе *языка*, то

<sup>1</sup> Меграбян А. Психодиагностика невербального поведения. М., 2001; Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов н/Д, 1986.

<sup>2</sup> Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: НЛЮ, 2004.

<sup>3</sup> Горелов Н.И. Невербальные компоненты коммуникации. М., 2009.

в следующем десятилетии появилось немало работ и о невербальных средствах коммуникации в художественных текстах. Соответственно расширяется и уточняется категориальный аппарат исследований, а также жанровые возможности для изображения невербального поведения. В эпических жанрах они, несомненно, шире всего. Однако касается ли это античных авторов? Этот вопрос нуждается в изучении, так как многие сферы жизни античного мира были ритуализованы, и целый ряд жестов, таким образом, мог быть универсальным, т.е. свойственным всем. К примеру, прикосновение к коленям – всегда выражение мольбы, характерное как для Одиссея, так и для его противников, т.е. этот жест характеризует не столько участников ситуации, сколько саму ситуацию, следовательно, не индивидуализирован. Это не означает, однако, что индивидуальных жестов в гомеровском эпосе нет. Например, женихи, испытывая отрицательные эмоции, закусывают губы, Телемах бросает на пол предмет, Одиссей трясет головой. Это движения, безусловно, характеризующие персонажей. Однако, во-первых, такого рода жестов мало, и, во-вторых, в отличие от прикосновения к коленям, для них характерно отсутствие контакта – т.е. невербальное поведение есть, а невербальной коммуникации нет. Именно она является непременной составляющей для универсальных жестов, например, для жеста со значением «взять за руку». В гомеровском эпосе этот жест описывается с помощью формул, в которых всё, как известно, фиксировано: слова, их последовательность, метрические позиции, и т.д. Поскольку формульность не всегда означает смысловую фиксированность, т.е. стереотипность содержания, имеет смысл детальнее рассмотреть изображение в тексте жеста, функция которого при встрече или прощании, как и в случаях, вызванных беспомощностью партнера (слепой, больной, ребенок), понятна. И тем не менее есть описания, когда такой жест менее мотивирован ситуацией. Например, когда в процессе диалога один из его участников «берет за руку» своего собеседника, это определенным образом маркирует эмоциональную реакцию «берущего за руку»: он отзывается либо на слова собеседника, либо на нечто иное. Так, Нестор, беседуя с Телемахом, в событиях, находящихся за пределами диалога, находит подтверждение того, что боги участвовали в судьбе сына Одиссея: спутник Телемаха превращается на глазах у всех в орла. Тогда Нестор и берет его за руку, и значение этого жеста иное, чем когда Телемаха приветствовал сын Нестора Писистрат. Там это было всего лишь проявление дружелюбия, ритуала при встрече с незнакомцем, теперь жест Нестора демонстрирует его радость за Телемаха, которому боги покровительствуют столь явно. Тем самым формулы жеста, несмотря на их однотипность, на отсутствие какой бы то ни было детализации, имеют содержательные различия в значении, так как «взять за руку» в разговоре, когда прикосновение не запрограммировано, не обусловлено событиями, не предсказуемо, – не то же самое, что при встрече или расставании, поскольку чувства в беседе можно выразить и словесно. Собеседник может реагировать на слова или события речью. Какова же тогда функция жеста? Очевидно, он акцентирует какую-то переменную в эмоциональном состоянии. Альберт Меграбян, классик психодиагностики невербального поведения, многообразие средств в невербальной коммуникации сводит к таким лежащим в их основе эмоциям: удовольствие – неудовольствие, возбуждение – отсутствие возбуждения, доминирование – подчинение<sup>1</sup>. В данной ситуации речь, несомненно, идет об удовольствии, так как жест Нестора выражает его радость за Телемаха, который, как выясняется во время бе-

<sup>1</sup> Меграбян А. Психодиагностика невербального поведения. С. 187.

седы, находится под божественным покровительством. Для самих богов данный жест, кстати, тоже характерен, хотя, как правило, больше касается эротических контекстов (эпизод с Аресом и Афродитой или с Посейдоном и Тиро), где этот жест, завершая или начиная любовную ситуацию, сам приобретает эротическую семантику.

Особый интерес представляют контексты, где описание жеста «взять за руку» предваряется глаголом со значением улыбки. В эпизоде с Нестором это подчеркивалось глаголом «удивляться», в данных же контекстах жест – реакция на слова, когда один из собеседников проявляет качества, высоко ценимые другим. Например, как Одиссей, так и Телемах демонстрируют умение прогнозировать события, благодаря чему их покровители (Афина и Менелай) понимают, что могут быть за них спокойны. Тем самым и здесь жест «взять за руку» является проявлением эмоций. Невербальная семиотика выделяет такие типы соотношений жеста и речи, как 1) дублировать речевую информацию; 2) замещать ее (пример – кивок); 3) усиливать; 4) дополнять; 5) противоречить ей<sup>1</sup>. Таким образом, понять, акцентирует ли жест смысл слов или, напротив, вступает с ними в противоречие, можно лишь из контекста. Например, когда Телемах берет за руку один из главных претендентов на руку его матери – Антиной, который, внешне демонстрируя дружелюбие, словесно сыну Одиссея угрожает, то речь с жестом не согласуется. В современной психологии такой диссонанс обычно выглядит иначе: когда словесно партнер свои подлинные чувства скрывает, проявляются они как раз в жестах, в произвольных движениях, т.е. истинная суть отношения к людям и событиям выражается именно в неречевом поведении. В «Одиссее», как видим, всё наоборот: жест Антиноя вполне дружеский, враждебность же проявляется именно в словах. Это можно трактовать как «двойное послание», вербальная и невербальная части его специально противоречат друг другу. Как правило, это делается для того, чтобы дезориентировать, запутать собеседника. Однако если учесть, что женихи Пенелопы – персонажи с особой психологией (например, они смеются, но никогда не улыбаются), то и жест Антиноя можно трактовать как третью (по А. Меграбяну) позицию, а именно: как стремление к доминированию и требование подчинения. Этому соответствует и реакция Телемаха: он спокойно, но решительно свою руку из руки Антиноя освобождает. Тем самым он демонстрирует, что подчиняться не намерен. Это единственный, между прочим, случай, когда рукопожатие в «Одиссее» заканчивается подобным образом. Но это и единственный случай описания такого жеста у женихов, хотя они так же точно встречаются и расстаются как друг другом, так и с иными персонажами. Таким образом, данный жест можно считать особой деталью в структуре образа противников Одиссея, это не просто неудачливые претенденты на руку Пенелопы и плохие стрелки из лука, а его *нравственные антиподы*, вот почему ни одно божество им и не покровительствует.

У жеста, таким образом, в каждом случае своя коннотация – от дружеского приветствия до выражения глубокого сочувствия и любви. Когда вернувшегося Одиссея так приветствует его слуга, такой жест нечто больше, чем простое приветствие, потому что верность сохранили далеко не все слуги, есть и те, кто не может «взять за руку» своего господина. Невозможность для такого жеста характерна и для обитателей Аида. Так, Агамемнон, сохранив способность говорить, чувствовать и мыслить, «взять за руку» своего друга всё же не может, о чем очень

<sup>1</sup> Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. С. 452.

скорбит. Акцент на этом обстоятельстве очень важен, так как прикосновение – это то, что свойственно лишь живым.

Фиксированность формул со значением «взять за руку» не означает фиксированности смысла, формулы меняют оттенки значений в зависимости от контекста и обстоятельств, они могут иметь ритуальное значение, а могут свидетельствовать об эмоциях, и невербальный жест в гомеровском эпосе, акцентируя чувства эпического персонажа, может обладать психологическим содержанием. Тот факт, что во всех случаях речь идет не о различных, а об *одном и том же жесте*, – следствие лаконичности эпических средств, набор которых у Гомера еще не обладал таким многообразием, как это будет позже в античности. Но ограниченность в художественных деталях не означала ограниченности в изображении *внутреннего мира*, поэтому невербальный жест в поэтике эпического поведения был полифункциональным: он мог означать и простое приветствие, и сочувствие, и сожаление, и одобрение, и радость, и нетерпение, и волнение. И любовь. Для того чтобы преодолеть это противоречие между средствами изображения и изображаемым, заставить одну и ту же деталь обладать различными смыслами, в первую очередь, разумеется, необходимо было владеть искусством построения сюжета, за что и хвалил Гомера Аристотель<sup>1</sup>. Но в этом сюжете и у жеста была своя роль пусть небольшого, но необходимого аккорда к событиям, что явилось результатом тех реалистических тенденций, на которые указывают исследователи гомеровской поэтики, прежде всего Виктор Ноевич Ярхо<sup>2</sup>.

Внес ли что-то новое в поэтику эпического жеста последователь Гомера в Риме Вергилий?

Его сила, по словам Аверинцева, не в последнюю очередь определяется тем, «сколь много чужого он смог сделать своим»<sup>3</sup>. Можно ли утверждать, что и жест «взять за руку», точнее его изображение, стал в римском эпосе, ориентирующемся на греческий, тем, что можно считать «своим»? Или же его изображение можно отнести к «чужому», т.е. к бережно сохранным от прошлого художественным средствам, которые так и остались данью традиции? На первый взгляд, здесь, как и у Гомера, жест выражает приветствие, дружелюбное расположение, помощь, дружеское участие и т.д., что подчеркивается соответствующими аллюзиями, особенно в шестой книге, где невозможность прикосновения также одна из главных преград между миром мертвых и живых. Но есть и отличия. Например, у Гомера не было коллективного рукопожатия, как у Энея и Ахата с Эвандром и Паллантом. Никто у Гомера не вспоминает о жесте, как Эвандр вспоминает о том, что при давней встрече с троянцами мечтал пожать руку отцу Энея. Не было и сцены, подобной той, где Эней с другом, невидимые остальным, мечтали (*avidi*) бы пожать руку своим друзьям. Нет аналогов гомеровской традиции и в обозначении союзнических отношений, для исторического Рима и для «Энеиды» чрезвычайно значимых, поскольку судьба военного противостояния как между троянцами и италийцами, так и между римлянами и другими народами зависела от прочности заключенного союза. Глубинные отличия в характерах противников поэмы

<sup>1</sup> *Теперик Т.Ф.* В дополнение к лосевской концепции гомеровского психологизма // Творчество А.Ф. Лосева в контексте отечественной и европейской культурной традиции. Материалы Международной научной конференции XIV Лосевские чтения. М., 2013. С. 40.

<sup>2</sup> *Ярхо В.Н.* Образ человека в классической греческой литературе и история реализма // Ярхо В.Н. Древнегреческая литература. Эпос. Ранняя лирика. М., 2011. С. 40.

<sup>3</sup> *Аверинцев С.С.* Две тысячи лет с Вергилием // Аверинцев С.С. Поэты. М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 22

в большей степени, чем у Гомера, акцентируются невербальным поведением, в частности, жестом со значением «взять за руку». Например, он больше характерен для троянцев, чем для италийцев.

Но главная инновация состоит в том, что у Вергилия жест становится объектом рефлексии, содержанием воспоминаний, причем в самых драматичных ситуациях. Именно о нем вспоминает Эней, получив известие о гибели Палланта:

Всё стоят у него пред глазами  
Старец Эвандр, и Паллант, и столы, к которым явился  
Он пришлецом, и пожатия рук (X, 515–517)<sup>1</sup>.

То, что в памяти Энея возникает сцена с рукопожатием (*dextrae datae*), скрепившим этот крайне важный для героя союз, не только еще одно доказательство значения жеста, но и характеристика самого Энея, его способности к эмпатии, совершенно не характерной для его противника, Турна<sup>2</sup>. Когда тот узнаёт о гибели своих союзников, о событиях его внутреннего мира автор не сообщает ничего. Фигура авторского умолчания – деталь нарративного плана. Но когда о жесте рассказывает сам персонаж, это деталь другого рода, ведь взгляд на жест осуществлен как бы не извне, а изнутри события. Например, на пиру у Дидоны Эней вспоминает о ситуации в Трое, когда его, решившего уже обрушить свою месть на Елену, останавливает мать, Венера, напоминая о долге прежде всего перед своей семьей:

Руку мою удержала она и молвила слово:  
«что за страшная боль подстрекает безудержный гнев твой?  
Что ты безумствуешь, сын? Иль до нас уж нет тебе дела?  
Что не помотришь сперва, где отец, удрученный годами,  
Брошен тобой, и жива ль еще супруга Креуса,  
Мальчик Асканий? Ведь их окружили Греков отряды!» (II, 594–599)<sup>3</sup>.

На чувства Энея, потрясенного сценой гибели Трои, конечно, повлияли сами эти слова, но воздействие имела не только речь, но и жест, прикосновение Венеры, удержавшей руку сына (*dextraeque prehensum continuit*, II, 594). Следовательно, здесь изображен тот вид соотношения речи и жеста, когда смысл речи с помощью жеста усиливается. Но в отличие от «Одиссеи» прикосновение в «Энеиде» – событие, имеющее большее значение не только для эмоций, но и для действия, поступка, вот почему невозможность его осуществления вызывает сильнейшую эмоциональную реакцию, как в том эпизоде, где Эней кричит матери: «Почему руку с рукою соединить не дала?» (*Cur dextrae iungere dextrae non datur?* I, 409)<sup>4</sup>. Венера, явившись сыну в облике карфагенской девушки, покидая его, все же ему открылась, но необходимого для эмоциональной близости контакта не произошло, чем и вызваны переживания героя. Совершенно невозможно представить аналогичные сцены в гомеровских поэмах, где герои вспоминали бы о своих жестах, стремились бы к ним, сожалели бы о том, что их не было, помнили бы о них спустя годы, и т.д.

<sup>1</sup> *Вергилий. Энеида* / Пер с лат. С. Ошерова // *Вергилий. Буколики. Георгики*. М.: Художественная литература, 1979. С. 342.

<sup>2</sup> *Теперик Т.Ф.* Отношение к смерти и типология характеров в «Энеиде» Вергилия // *Филологические науки*. М., 1997. № 4. С. 29–37.

<sup>3</sup> *Вергилий. Энеида*. С. 472.

<sup>4</sup> *Вергилий. Энеида*. С. 147.

Прежде всего потому, что меняются художественные средства, меняется сама поэтика жеста, который у Вергилия становится объектом не только прямого авторского описания, но и косвенного, субъективного изображения, т.е. не тем, что в данный момент есть, а тем, что уже было или еще только должно быть. Правда, и Пенелопа вспоминала, как Одиссей перед расставанием взял ее за руку, но там это была одна из эпических подробностей гомеровского стиля, в «Энеиде» же это следствие внимания автора к изображению внутреннего мира, описываемого, по традиции, посредством внешних проявлений, но с добавлениями, воспринятыми от эллинистической поэтики, с ее более субъективным восприятием происходящего, с ее тенденцией к психологизму<sup>1</sup>.

Тот факт, что у Вергилия жест становится более эмоциональным с точки зрения внутреннего содержания и более измененным с точки зрения внешнего описания, подтверждается тем, в «Энеиде» он трансформируется в жест «протягивания руки», который, на первый взгляд, имеет те же функции, что и «обнять колени», выполняя функцию мольбы. Но, в отличие от «колен», здесь бесконтактная коммуникация, она происходит в ситуации пространственной дистанции между персонажами, которую «жест протягивания руки» как раз и стремится преодолеть. Такой жест также больше характерен для Энея, но не для Турна, который вспомнит о нем лишь в конце проигранного поединка (*dextramque protendens*, XII, 930), в остальном считая это проявлением слабости. У Энея же этот жест всегда подчеркивает его стремление к миру, и когда воины условия поединка нарушают, он этим движением их останавливает, причем как своих, так и чужих.

Во внимании к такого рода деталям заключается одно из проявлений реалистических тенденций в изображении характеров «Энеиды». О них, по существу, и пишет С.С. Аверинцев, обращая внимание на то, что таких героев, как у Вергилия, «не было ни у одного поэта до него. Эпос, лирика, даже трагедия классической Греции знали пластический облик юности, но не ее неповторимую душевную атмосферу, ее красоту, но не ее поэзию... герои Вергилия – именно образы «состояния души», мы видим их не только извне, но изнутри»<sup>2</sup>.

Можно видеть «изнутри», очевидно, и потому, что в описании невербального поведения героев «Энеиды», как в коммуникации, так и вне ее, присутствует новое содержание, в большей степени, чем в эпике до Вергилия, позволяющее судить о внутреннем мире персонажей. Сами средства поэтики невербального поведения не изменились кардинально, в основном они заимствованы Вергилием из предшествующей традиции, однако модифицированы в соответствии со стилевыми тенденциями новой эпохи, где значительна роль не только гомеровской, но и эллинистической, александрийской поэтики, а в ней изображение внутреннего в сравнении с описанием внешнего – один из главных приоритетов<sup>3</sup>.

«Миф фиксировал сущностные проявления человеческой жизнедеятельности в виде отвлеченных, всеохватывающих и общезначимых формул; эпос отражал важнейшие стороны человеческого поведения в их конкретном преломлении»<sup>4</sup>. Это наблюдение лучше помогает понять эволюцию изображения персонажа в

<sup>1</sup> Albrecht M. von. De Virgilio // Albrecht M. von. Geschichte der Römischen Literatur von Andronicus bis Boethius. Vol. II. Paris, 1994. S. 745.

<sup>2</sup> Аверинцев С.С. Две тысячи лет с Вергилием. С. 26.

<sup>3</sup> Albrecht M. von. De Virgilio. S. 750.

<sup>4</sup> Гринцер П.А. Эпос древнего мира. Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. С. 187.

«Энеиде», где набор традиционных эпических средств остался в сравнении с гомеровскими поэмами почти таким же, но использование этих средств, их цели и значение в стилистике римского классицизма существенно изменились. Насколько это коснулось других художественных средств поэтики невербального поведения – задача нового исследования. Материал данной статьи позволяет, как представляется, утверждать, что если характер изображения жеста от одного античного автора к другому меняется, то это происходит потому, что меняется весь комплекс тех художественных средств, которые современная наука о литературе относит к косвенным формам психологизма. Психологизм у античных авторов, был, разумеется, иным, в сравнении с более поздними эпохами, но его не могло не быть там, где внимание автора обращено на изображение внутреннего мира персонажей, пусть и описываемого, по традиции, посредством внешних проявлений. У Вергилия это изображение внутреннего через внешнее становится одной из доминант, о чем свидетельствует и само название статьи Аверинцева «Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия»<sup>1</sup>.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Аверинцев С.С.* Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Поэтика римской литературы. Жанры и стиль. М.: Наука, 1989. С. 22–52.

*Аверинцев С.С.* Две тысячи лет с Вергилием // Аверинцев С.С. Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 19–42.

*Вергилий.* Энеида / Пер с лат. С. Ошерова // Вергилий. Буколики. Георгики. М.: Художественная литература, 1979. С. 177–377.

*Гринцер П.А.* Эпос древнего мира. Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971. 134 с.

*Горелов Н.И.* Невербальные компоненты коммуникации. М.: Либроком, 2009. 112 с.

*Меграбян А.* Психодиагностика невербального поведения. М.: Изд-во «Речь», 2001. 256 с.

*Лабунская В.А.* Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов н/Д, 1986. 266 с.

*Крейдли Г.Е.* Невербальная семиотика. М.: НЛЮ, 2004. 581 с.

*Теперик Т.Ф.* Отношение к смерти и типология характеров в «Энеиде» Вергилия // Филологические науки. М., 1997. № 4. С. 29–37.

*Теперик Т.Ф.* В дополнение к лосевской концепции гомеровского психологизма // Творчество А.Ф. Лосева в контексте отечественной и европейской культурной традиции. Материалы Международной научной конференции XIV Лосевские чтения. М., 2013. С. 32–42.

*Ярхо В.Н.* Образ человека в классической греческой литературе и история реализма // Ярхо В.Н. Древнегреческая литература. Эпос. Ранняя лирика. М.: Лабиринт, 2011. С. 30–51.

*Albrecht M. von.* De Virgilio // Albrecht M. von. Geschichte der Römischen Literatur von Andronicus bis Boethius. Vol. II. Paris, 1994. S. 735–780.

*Publii Vergilii Maronis.* Opera. Lipsiae Teubner Verlagsgesellschaft, 1973. 546 s.

---

<sup>1</sup> *Аверинцев С.С.* Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Поэтика римской литературы. Жанры и стиль. М.: Наука, 1989. С. 22–52.

## REFERENCES

Averincev S.S. External and Internal in the Poetry of Virgil. The Poetics of Roman Literature. Genres and style. Moscow. Nauka. 1989, pp. 22–52.

Averincev S.S. Two Thousand Years with Virgil. In: Averincev S.S. (1996) Poets. Moscow. Shkola «Jazyki Russkoy kultury», pp. 19–42.

Hryntser P.A. (1971) Epos of the Ancient World. Typology and Interrelationship of the Literatures of the Ancient World. Moscow. 134 p.

Gorelov N.I. (2009) Non-verbal Communication Components. Moscow. Librokom. 112 p.

Megrabyan A. (2001) Psychodiagnostics of Non-verbal Behavior. Moscow. Publ. House «Rech», 256 p.

Labunskaya V.A. (1986) Non-verbal Behavior (social and perceptive approach). Rostov-na-Donu. 266 p.

Kreydlin G.Y. (2004) Non-verbal Semiotics. Moscow. NLO Publ. 581 p.

Teperik T.F. Attitude to Death, and the Typology of the Characters in the *Aeneid* by Virgil. *Philological Sciences*. Moscow. 1997. No 4, pp. 29–37.

Teperik T.F. In Addition to Losev's Concept of the Homeric Psychology Works of A.F. Losev in the Context of National and European Cultural Tradition. Materials of the International Scientific Conference XIV Losevskiye Chteniya. Moscow. 2013, pp. 32–42.

Yarkho V.N. The Image of Person in Classical Greek Literature and the History of Realism. In: Yarkho V.N. (2011) Ancient Greek literature. Epic. Early lyrics. Moscow. Labirint Publ., pp. 30–51.

Albrecht M. von. De Virgilio. Albrecht M. von. Geschichte der Römischen Literatur von Andronicus bis Boethius. Vol. II. Paris. 1994. S. 735–780.

Publii Vergilii Maronis. Opera. Lipsiae Teubner Verlagsgesellschaft. 1973. 546 s.

*Сведения об авторе:*  
Тамара Федоровна Теперик,  
докт. филол. наук  
доцент  
кафедра классической филологии  
филологический факультет  
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tamara F. Teperik,  
Doctor of Philology  
Docent  
Department of Classical Philology  
Philological Faculty  
Lomonosov Moscow State University  
Teperik@mail.ru